Кухаренко, В.Н. Судебное преследование Хорватской республиканской крестьянской партии и создание её коалиции с Народной радикальной партией (декабрь 1924 г. – июль 1925 г.) / В.Н. Кухаренко // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 8 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. - Минск: БГУ, 2013. - С. 185-194

В. Н. Кухаренко

СУДЕБНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ХОРВАТСКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИИ И СОЗДАНИЕ ЕЕ КОАЛИЦИИ С НАРОДНОЙ РАДИКАЛЬНОЙ ПАРТИЕЙ (декабрь 1924 г. — июль 1925 г.) *

Судебный процесс 1925 г. против Хорватской республиканской крестьянской партии базировался на обвинениях в «коммунистических пристрастиях», отношениях с Внутренней македонской революционной организацией, разработке проекта тайного договора с Венгрией, антиюгославской пропаганде. Власти не смогли добиться результатов по обвинению во вступлении в Коминтерн и вынуждены были разрешить партии участие в парламентских выборах февраля 1925 г. Подтвердив свои прежние позиции в Скупщине на парламентских выборах, партия Радича, тем не менее, находилась в сложном положении. Часть руководства оставалась в тюрьме, продолжалось следствие. Радич вынужден был пойти на кардинальные изменения партийной программы и отказаться от сотрудничества с Крестинтерном. Начались переговоры с Народной радикальной партией. Успех этих переговоров стал победой короля на внутриполитической арене и означал ограничение влияния радикалов и политическое поражение Радича.

Lawsuit in 1925 against the Croatian Republican Peasant Party was based on allegations of «communist allegiances», relations with the Internal Macedonian Revolutionary Organization, a draft of the secret treaty with Hungary, anti-Yugoslav propaganda. The authorities were not able to achieve results on the charge of membership in the Communist International and were forced to allow the party in parliamentary elections in February 1925. Reiterating its previous position in the Assembly in the parliamentary elections, the Radic's party, however, was in a difficult position. Part of the leadership remained in prison, continued the investigation. Radic was forced to make drastic changes in the party program and refuse to cooperate with Krestintern. Began negotiations with the People's Radical Party. The success of these negotiations was the victory of the king on the domestic political scene, and it meant limiting the influence of radicals and political defeat Radic.

Ключевые слова: Королевство СХС, хорватский вопрос, Хорватская крестьянская партия.

Keywords: Kingdom SCS, issue of Croatian, Croatian Peasant Party.

После парламентских выборов в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС) марта 1923 г. сложились идейно-политические предпосылки для установления отношений Хорватской республиканской крестьянской партии (ХРКП) с советскими и международными коммунистическими инстанциями. Отношения с ХРКП и ее лидером Степаном Радичем было решено закрепить вступлением партии в Крестьянский Интернационал (или Международный крестьянский совет (МКС)), который декларировался как некоммунистическая организация, но фактически являлся структурным подразделением Коминтерна. Крестинтерн, созданный в октябре 1923 г., являлся политически вялой и организационно аморфной структурой, которая к лету 1924 г. включала только физических членов, но ни одной партии. Вступление ХРКП в Крестинтерн было воспринято в этой организации с воодушевлением, так как повышало ее политический вес [подробнее см. 1].

* Статья выполнена в рамках Государственной программы научных исследований на 2011—2015 гг. «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества и государственной идеологии» (ГПНИ «История, культура, общество, государство»).

Кухаренко Варвара Николаевна — доцент кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук. E-mail: ateh1@yandex.ru

До отставки в октябре 1924 г. в Королевстве СХС правительства Любомира Давидовича (в этот кабинет, созданный в июле 1924 г., вошли представители основных югославских оппозиционных партий) Радич поддерживал контакт с советской стороной, но уже и тогда не выполнял своих обязательств перед МКС. После и вовсе перестал даже реагировать на послания и обращения из Москвы. В Крестинтерне, Исполкоме Коминтерна (ИККИ) и Народном комиссариате иностранных дел (НКИД) видели изменения в позиции хорватского политика, но связывали это с внутриполитическими проблемами Радича и его партии, а также с необходимой конспирацией.

В октябре 1924 г. в Белграде разразился очередной правительственный кризис. 15 октября король Александр Карагеоргиевич потребовал отставки коалиционного кабинета Давидовича. К этому времени безрезультатно закончились почти трехмесячные переговоры с руководством ХРКП о ее вхождении в правительство, что подписало приговор коалиционному кабинету. К власти в государстве вернулась коалиция Народной радикальной партии (НРП) Николы Пашича и Независимой демократической партии (НДП) Светозара Прибичевича. Провал переговоров о вхождении в правительство повлек за собой проблемы и для самой ХРКП. Переговоры велись по поручению короля, который поставил свои условия вступления партии Радича в правительство. Неудача показала Александру Карагеоргиевичу, что при помощи уговоров с Радичем совладать не удастся. Пришла пора использовать для приручения хорватской партии более жесткие меры [подробнее см. 2].

Политические обвинения в адрес ХРКП по Закону о защите государства (декабрь 1924 г. — февраль 1925 г.). Война против радичевцев была развязана в средствах массовой информации. В начале декабря 1924 г. в югославской прессе появились первые публикации фальшивых документов о подготовке коммунистами и партией Радича революции. Переворот якобы намечался на январь 1925 г., курировался Советским Союзом и был полностью им профинансирован [3, с. 243—244, 292]. Газеты обвиняли Радича в получении 10 тыс. долларов от «венского большевистского комитета». «Московские» деньги, по мнению создателей сплетни, хранились в Хорватском крестьянском банке [4, л. 9]. Кроме этого пресса инкриминировала Радичу контакты с Внутренней македонской революционной организацией (ВМРО), участие в Июньском восстании в Албании и Сентябрьском восстании 1923 г. в Болгарии. Через все эти публикации лейтмотивом проходило обвинение руководства ХРКП в усилении коммунистической опасности на Балканах.

Апогеем газетной войны стала публикация 18 декабря 1924 г. в правительственной газете «Речь» фальшивого договора ХРКП с Коминтерном, который, якобы, был добыт в советском посольстве в Вене [5, с. 97—98]. Судя по этому документу, ХРКП еще летом настолько изменила свою программу и тактику, что, по сути, стала коммунистической партией и может быть запрещена по Закону о защите государства, как ранее были запрещены Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) и Независимая рабочая партия Югославии (НРПЮ).

Реакция руководства ХРКП на эту публикацию была незамедлительной. Радич опубликовал в нескольких оппозиционных газетах опровержение, где объявил договор фальшивкой. Документ действительно был состряпан на редкость бездарно. В нем не было даже даты и места подписания. Со стороны Коминтерна на договоре стояли подписи Зиновьева и какого-то «Смирова». Человека с такой фамилией не было не только в Коминтерне, но и в Крестьянском интернационале. Скорее всего, имелся в виду А. П. Смирнов. Но, даже правильно написав его фамилию, фальсификаторы допустили бы ошибку, так как Смирнов был генеральным секретарем МКС, т. е. Крестьянского интернационала, и формально не имел к Коминтерну никакого отношения. Эти грубые ошибки сразу же были отмечены и разоблачены руководством ХРКП. Президиум партии отреагировал на ложный документ сообщением, где говорилось, что хорватская партия вступила в Крестинтерн при условии полного сохранения своей программы и «пацифистской» тактики. Кроме того, речь шла не об отношениях

партии и МКС, а о присоединении всего хорватского народа, представителем которого считает себя ХРКП, к международной крестьянской организации [6, л. 303—305].

Кампанией в прессе было решено апробировать реакцию общественности. Кроме того, с Радичем вплоть до конца декабря все еще пытались договориться [7, л. 83]. Наконец пришла очередь правительству выйти на сцену. На заседании 23 декабря был заслушан доклад министра внутренних дел Б. Максимовича-Кундака о деятельности ХРКП и С. Радича. Лейтмотивом доклада стало утверждение, что «ХРКП деятельностью и своего председателя, и остального руководства высказалась за иностранную антигосударственную коммунистическую пропаганду и в смысле своих целей, и в смысле методов». В докладе упоминались все факты, уже появлявшиеся на страницах югославской прессы (сотрудничество с ВМРО, НРПЮ, КПЮ, получение финансовой помощи и рекомендаций из советского посольства в Вене, разложение армии и т. п.) [8]. Мнения членов правительства разделились. Члены РП считали, что подводить под Закон о защите государства ХРКП в целом не следует. Иной точки зрения придерживались независимые демократы во главе со С. Прибичевичем, которые жаждали избавиться от влияния в пречанских областях («пречанскими» (от сербского и хорватского «preko» — через) называли территории на запад от Дуная, т. е. славянские земли бывшей Австро-Венгрии) всей партии сразу. Их позиция в отношении хорватов была непримиримой, и именно эта точка зрения победила. После обсуждения доклада был принят декрет, по которому на ХРКП распространялось действие Закона о защите государства. Все имущество партии подлежало конфискации, ее руководство отдавалось под суд, а деятельность партии запрещалась. Причинами применения Закона о защите государства были поездка С. и В. Радичей, А. Кошутича в Москву летом 1924 г., вступление ХРКП в Крестьянский интернационал, который посчитали частью Коминтерна, а также контакт ХРКП с НРПЮ и КПЮ как с нелегальными коммунистическими организациями. На основании Закона о защите государства, согласно которому члены запрещенных партий не имеют права выполнять никаких общественных функций, кандидаты от партии Радича на выборах должны были быть запрещены [9, л. 29; 10, с. 108—111].

Указ о применении к ХРКП Закона о защите государства был подписан королем 1 января 1925 г., за что был назван в народе «новогодним поздравлением хорватам» [11, s. 181]. Указ основывался на четырех пунктах: 1) Радич, посещая иностранные государства, вел антиюгославскую пропаганду; 2) речи лидера ХРКП содержат противогосударственные лозунги; 3) Радич, вступив в Крестинтерн, являющийся ветвью III Интернационала, солидаризировался с коммунистической программой; 4) действия Радича были одобрены на заседаниях ХРКП, следовательно, ответственность за вышеупомянутое падает не только на лидера, но и на партию в целом [7, л. 14]. Обвинение базировалось на устаревших фактах, что, конечно, не могло придать ему силы. В Югославии о действиях Радича во время его заграничного турне было известно с самого начала, но на тот момент ХРКП не подвели под действие Закона о защите государства, решив разыграть эту карту позднее. После королевского указа руководство ХРКП было арестовано и отдано под суд, затем арестовали около двух тысяч сторонников партии. Одновременно с объявлением о роспуске партии Радича правительство, ожидая массовых волнений, распорядилось о приведении армии в боевую готовность [12, л. 58].

Степана Радича арестовали 6 января 1925 г. на квартире его зятя А. Кошутича. В историографии при рассмотрении обвинений в адрес Радича основной акцент всегда делался на его связях с Коминтерном и Советским Союзом, но архивные данные позволяют нам увидеть еще один любопытный повод для преследования лидера ХРКП. При аресте С. Радича были найдены документы, содержавшие сведения о договоре будущего хорватского государства с венгерским правительством, а также информацию о поддержке хорватского вопроса в Англии и Франции. Главной уликой служил сделанный в Москве доклад Радича о положении в КСХС и отношении иностранных государств к хорватскому движению. Английский и фран-

цузский послы заявили, что их правительства не возражают против публикации доклада Радича, так как ни в коем случае не могут быть им скомпрометированы [7, л. 25—26].

Более серьезная угроза из-за найденных документов нависла над югославско-венгерскими отношениями. При обыске в бумагах Радича был найден договор, заключенный им в Лондоне 3 ноября 1923 г. с представителем Венгрии в Великобритании графом Шапари. Договор между Радичем как председателем хорватского национального представительства и графом Шапари как представителем венгерского правительства заключался с целью обеспечить мир в Центральной Европе, которому угрожают «беззакония» сербского правительства, и урегулировать будущие отношения между Хорватией и Венгрией [7, л. 26—28, 30]. Однако основной удар за эти переговоры был направлен на Радича, а не на венгров. Чтобы не ухудшить начавшие налаживаться отношения с Будапештом, югославское правительство решило не обострять ситуацию [13, s. 283].

После возвращения из Москвы С. Радич постарался свести к минимуму контакты с Крестинтерном. Всю осень 1924 г. ИККИ, Балканская коммунистическая федерация (БКФ) и МКС тщетно пытались наладить с Радичем какие-нибудь совместные действия, но связь была односторонней. В ноябре — декабре 1924 г. и в БКФ, и в МКС начали понимать бесперспективность отношений с ХРКП [5, с. 96—97]. Но ни Коминтерн, ни Крестинтерн, поняв это, не объявили хорватской партии войну, а заняли выжидательную позицию.

Ждать изменений внутренней ситуации в КСХС пришлось недолго. Во время правительственной кампании, направленной против Радича, у Крестьянского и Коммунистического интернационалов появилась реальная возможность продемонстрировать ХРКП свою поддержку и на деле помочь ей. И, надо отдать им должное, Президиум МКС, ИККИ, БКФ сразу же бросились на защиту своего непоследовательного союзника от ложных обвинений. Зная, что ХРКП собираются запретить именно за контакт с Коминтерном, ИККИ и БКФ не могли открыто выступить в защиту партии. Поэтому защита проводилась по линии Крестинтерна, но действительными ее руководителями были ИККИ, БКФ и НКИД. В сложившейся ситуации советские дипломаты помогали ХРКП не из-за симпатий к ней, а из боязни потерять единственного сторонника внутри КСХС.

Основные действия защиты развернулись уже после ареста руководителей ХРКП. Главным считалось опровергнуть утверждения правительства Пашича — Прибичевича о том, что вступление в Крестинтерн было вступлением и в Коминтерн. Это было несложной задачей, так как формально МКС не являлся коммунистической организацией, как, впрочем, и не зависел от ИККИ или БКФ. На практике же Крестинтерн был организацией, которая до вступления в нее ХРКП объединяла именно коммунистических представителей крестьянства разных стран [3, с. 103]. Тем не менее если в действительности партия Радича присоединилась к организации, где кроме нее были лишь коммунисты, то на бумаге вступление ХРКП в Крестинтерн не выглядело ее присоединением к коммунистической организации. Оставалось доказать это в суде. МКС обратился в Загребский суд, который занимался делом Радича и ХРКП, и предложил предоставить для разбирательства любые материалы, касающиеся вступления партии в Крестинтерн. В качестве свидетеля по делу Президиум МКС предлагал даже вызвать в суд Т. Домбаля [14, с. 91—92; 15, л. 14]. Как видно из информационной сводки МКС, югославский министр внутренних дел выступил в прессе с заявлением, что Домбалю отказано во въезде, так как выступление в качестве свидетеля только предлог, а главной его целью является «распространение большевистской пропаганды» [16, л. 8].

Оправдательный приговор Загребского суда и участие ХРКП в парламентских выборах февраля 1925 г. Адвокатом всех членов руководства ХРКП, в том числе и С. Радича, на процессе выступал лидер Хорватского объединения (ХО) Анте Трумбич. Именно он разработал линию защиты для Хорватской партии. Трумбич вместе с женой должен был отправиться за границу (в первую очередь в Вену) за подтверждениями невиновности арестованных, а так же для

опровержения фальшивок, на которых строилось обвинение. Однако, понимая опасность подобного вояжа адвоката, власти отняли у него заграничный паспорт. Начальник загребской полиции Бедекович заявил, что делает это по собственной инициативе, но спустя несколько дней после жалобы, направленной Трумбичем министру внутренних дел Максимовичу, выяснилось, что распорядился изъять паспорт сам глава ведомства. Он настаивал на том, чтобы суд пользовался только уже известными «подлинными» документами [17, s. 1136—1142]. Ознакомившись с материалами, 11 января 1925 г. Загребский окружной суд огласил решение по делу ХРКП. Обвинение против В. Мачека, С. и А. Кошутичей, Ю. Крневича, И. Предавца и других руководителей партии в нарушении Закона о защите государства было снято. Председатель Загребского суда уведомил главного полицмейстера, что ходатайство об объявлении недействительными списков кандидатов партии Радича также не может быть удовлетворено. Под арестом остался лишь С. Радич, невиновность которого в контактах с коммунистами не могла быть доказанной. Решение Загребского суда оспорила Государственная прокуратура, которая подала жалобу в Банский суд. Но и он решением 20 января 1925 г. подтвердил приговор окружного суда. Это стало проблемой для правительства, так как решения Банского суда обжалованию не подлежали. Арестованных пришлось отпустить. Но при режиме Пашича — Прибичевича полицейская власть в стране часто стояла выше судебной. Уже 22 января начальник загребской полиции Бедекович на правах первой инстанции приказал снова взять Мачека и других руководителей ХРКП под стражу [18, s. 254—255].

Будучи оправданными по решению двух судов, члены партии снова оказались за решеткой. На этот раз было решено отказаться от обвинения в связях с Крестинтерном и сделать акцент на государственной измене [9, л. 338]. Все арестованные, кроме С. Радича, были депутатами распущенной скупщины и полагали себя обладателями депутатской неприкосновенности. Однако представители властей в ответ на жалобы заявили, что раз скупщина распущена, то нет и депутатского иммунитета. Интересно, что В. Мачек, находясь под стражей, продолжал получать не только зарплату вице-спикера распущенной скупщины, но даже тысячу сигарет, которые выдавались ему ежемесячно по должности [19, s. 71].

Следует сказать, что в историографии бытует мнение о запрещении ХРКП перед выборами 1925 г. по Закону о защите государства и ничего не говорится об оправдании партии. Поэтому неизбежно возникает вопрос: каким бразом нелегальная партия смогла принять участие в выборах? Интересен следующий пример. Видный деятель КПЮ и ИККИ Филипп Филиппович в работах, где упоминаются события января 1925 г., не придерживался единой концепции. Так, в исследовании 1929 г., он подробно рассказывает о процессе против ХРКП и оправдательном приговоре Загребского суда [14, с. 91—92]. В работе же 1933 г. он только сообщает, что «на основании закона “об охране государства” хорватская крестьянская партия была объявлена нелегальной» [20, с. 54]. При этом ни слова не говорит о защите, организованной МКС, а также об оправдании ХРКП. Вероятно, между 1929 и 1933 гг. созрела новая концепция событий в Югославии, в которую не вписывался факт, демонстрирующий возможность оправдания оппозиционной партии государственными органами. То обстоятельство, что якобы запрещенная партия действовала легально, исследователей, видимо, не смущало. Странно, что и сейчас такой видный хорватский историк, как Х. Маткович, объясняет «удивительное решение» белградского правительства не запрещать участие ХРКП в выборах уверенностью в поражении ослабленной партии [21, s. 179]. Хотя стоит ли умалчивать о факте явного неповиновения хорватских судов центральной белградской власти? В этой ситуации как нельзя более ярко выявилась поддержка ХРКП всем хорватским обществом, что, конечно, не вписывалось в концепцию классовой борьбы.

ХРКП была значительно ослаблена судебной тяжбой и арестом лидеров. Силы партии уходили на доказательство своей невиновности вместо участия в предвыборной борьбе. Но это было и временем расцвета партии, несмотря на все репрессии правительства [22, с. 92]. К то-

му же главным итогом описанных событий было то, что партия не была объявлена нелегальной и смогла принять участие в парламентских выборах 8 февраля 1925 г., на которых практически подтвердила свои прежние позиции в скупщине, получив 545,5 тыс. голосов избирателей и 67 депутатских мандатов. Это произошло несмотря на выраженное давление со стороны властей на оппозицию и электорат [14, с. 92—93]. Кроме того, как отмечал радикал Л. Маркович, Радич по-прежнему являлся истинным вождем для своего народа. Его авторитет был неоспорим, и он вскоре должен был выйти из процесса против ХРКП как народный герой. Вопрос был лишь в том, освободит ли Радича указ короля, что сыграло бы на руку монарху, или дело снова доведут до суда, который еще больше отдалит хорватов от власти [18, s. 253].

Конечно, прошедшие 8 февраля парламентские выборы сложно назвать спокойными и законными. Еще во время предвыборной кампании оппозиция писала жалобы в королевскую канцелярию, где сообщалось, что радикалы выступают под лозунгом «Кто голосует за радикалов, тот голосует за короля». Пашич свою партию провозгласил королевской партией и тем самым перенес избирательную борьбу с партийной почвы на почву борьбы «за короля и против короля, за монархию и против монархии» [23, л. 158]. В день голосования было отключено телефонное и телеграфное сообщение, что помешало наблюдению за ходом выборов и координации действий со стороны оппозиции [24, л. 91]. В более чем сотне избирательных округов, чтобы сделать возможной фальсификацию результатов, были спешно заменены главы комиссий. Не обошлось и без столкновений сторонников оппозиции с полицейскими, не пропускавшими неблагонадежных избирателей на участки. На некоторых участках охранники урн для голосования от ХРКП силой устранялись с поста. В Загорье один из них, проявивший особое упорство, был убит прямо на избирательном участке [25, л. 2].

Победу на выборах одержали, получив 141 мандат, радикалы, вошедшие в коалицию с независимыми демократами (22 мандата). Демократическая партия (ДП) Л. Давидовича завоевала 37, Словенская народная партия (СНП) — 20, а Югославская мусульманская организация (ЮМО) — 15 мандатов. Правящая коалиция получила большинство, но, имея сильную оппозицию, не могла чувствовать себя спокойно. Поэтому радикалы провели в новом парламенте решение об аннулировании шести мандатов депутатов ХРКП, находящихся под арестом. Кроме уверенного численного превосходства Н. Пашич добился также отсутствия в парламенте (даже в случае освобождения) практически всего руководства хорватской партии [19, s. 72].

После выборов оппозиционные партии начали переговоры о создании нового блока. Давидович заявил, что для реализации этой возможности ХРКП должна отказаться от Крестинтерна и других компрометирующих связей [25, л. 4]. Степан Радич, воодушевленный успехом своей партии на выборах, 13 февраля решительно отвергал всякую возможность сотрудничества с Н. Пашичем и другими радикалами, замешанными в процессе против ХРКП. Однако в том же письме из тюрьмы он не исключал возможности контакта с другими группировками НРП [17, 1142—1143].

Изменение партийной программы и отказ радичевцев от сотрудничества с Крестинтерном как база для создания коалиции с Радикальной партией (март — июль 1925 г.). В то время как С. Радич и другие лидеры партии находились под арестом, у руля ХРКП стал племянник лидера партии Павел Радич. 7 марта 1925 г. было объявлено о вступлении ХРКП в Блок народного согласия и крестьянской демократии, куда вошли также традиционные коллеги хорватов по прежним оппозиционным коалициям — ДП, СНП и ЮМО. Блок принял компромиссную платформу, где признавалось, что изменение государственной системы должно пройти в спокойной обстановке, чтобы не навредить положению КСХС на международной арене [26, с. 128]. В тот же день, 7 марта, ХРКП выбросила из своего названия слово «республиканская» и стала Хорватской крестьянской партией (ХКП) [27, л. 12]. Перемена названия была индикатором программных изменений, отказом от действий против монархии и требо-

вания республики. ХКП одобрила парламентскую борьбу, но угрожала бойкотом парламента, если не последует освобождения арестованных депутатов. П. Радич заявил, что вступление в Крестинтерн было принципиальным решением партии, но изменение политической ситуации сделало сотрудничество с МКС невозможным [28, л. 96, 102].

Исключением республиканской платформы своей программы и отказом от сотрудничества с Крестинтерном руководство партии надеялось задобрить короля и разрешить конфликт с наименьшими потерями. И действительно, уже со второй половины марта к С. Радичу в тюрьму начинают наведываться эмиссары короля: М. Дринкович, В. Янич и Т. Шлегел [29, p. 203; 30, s. 1092—1105]. Они должны были донести до лидера ХКП требования Александра Карагеоргиевича и убедить Радича не только в преимуществах компромисса, но также в отсутствии других альтернатив для хорватской партии. А чтобы точнее обрисовать перспективы в случае отказа от сотрудничества, 21 марта Загребская прокуратура составила обвинительный акт против С. Радича и других руководителей партии, которым инкриминировалась государственная измена, сношения с Крестинтерном, разложение военнослужащих, оскорбление короля и связи с ВМРО [28, л. 342].

ХКП была вынуждена сделать новую уступку. 27 марта 1925 г. состоялось сенсационное выступление П. Радича в скупщине. Он заявил о полном признании политического устройства с династией Карагеоргиевичей во главе государства. Заявление было согласовано с находящимся в тюрьме С. Радичем. [31, s. 245—255]. Затем выступил член ХКП Лоркович, который должен был смягчить эффект. Он заявил, что партия не капитулирует, а лишь стремится к соглашению с сербским народом через партию, которая представляет его большинство (то есть НРП) [7, л. 40]. Однако общество все равно находилось под впечатлением шокирующих уступок со стороны руководства ХКП [32, s. 478]. Югославские политики искали причины и предугадывали последствия кардинального поворота в политике ХКП. Существовало несколько точек зрения на этот счет. Преобладало мнение о том, что новая политическая ориентация недолговечна и имеет под собой исключительно практические цели, и, как только ХКП добьется всего, что можно получить от радикалов, С. Радич совершит очередной поворот и вернется к сепаратизму. Другие считали, что изменения в политике партии вызваны страхом Радича перед возможностью быть осужденным за государственную измену. Некоторые склонны были поверить в искренность действий Радича, но к таковым не относились лидеры радикалов и король. Намеренно подливали масла в огонь и независимые демократы, считавшие, что ХКП находится на грани гибели, поэтому «крайне неполитичным» будет дать ей возможность улучшить свое положение [7, л. 41, 48]. На самом деле лидер НДП Прибичевич прекрасно видел отсутствие перспектив для своей организации в случае союза радикалов с радичевцами, а потому пытался повлиять на развитие событий.

В хорватских политических кругах не могли поверить, что заявления Павла Радича сделаны им в полном соответствии с поручениями лидера ХКП. Однако источники не позволяют усомниться в том, что П. Радич действовал под руководством своего дяди [17, s. 1106—1109, 1145]. Другой вопрос, в каком состоянии находился тогда Степан Радич, находясь в тюрьме, кто влиял на его решения в этот момент. Агент Пашича 29 апреля 1925 г. после встречи с родственником Радича в Праге сообщал о серьезной обеспокоенности семьи не только действиями хорватского лидера, но и его душевным состоянием. Кроме того, говорилось об уверенности в том, что Степан Радич находится под полным влиянием своего племянника. Жена лидера ХКП Мария Радич надеялась не только на выход мужа из заключения, но и на то, что его можно будет направить «в какой-нибудь санаторий для лечения нервных и душевных болезней». В этом же сообщении содержится крайне нелицеприятная характеристика Павла Радича. Говорится о его ненадежности, многочисленных аферах, кражах (в том числе о воровстве у собственного дяди). Но чувствуется в этом семейном пасквиле и обида на то, что С. Радич в тюрьме находится под влиянием племянника, в то время как жена полностью

утратила контроль над ним [33]. Мария Радич жаловалась Трумбичу и на то, что не может передать записки мужу без разрешения судьи, а на свиданиях они говорят лишь о виноградниках, детях и книжной лавке [17, s. 1143]. Не стоит удивляться тому, что с Павлом Радичем лидер ХКП мог обсуждать серьезные политические вопросы, принимать решения, в корне менявшие линию партии, а с женой ему было позволено касаться только быта. Объясняется такая избирательность судьи позицией двух посетителей Радича относительно возможности соглашения с радикалами и двором.

После 27 марта лидеры ХКП заявляли, что новые уступки невозможны, так как дальнейшее следование по этому пути может привести к потере доверия народа. С. Радич еще одной причиной невозможности расширения уступок называл и тот факт, что со стороны радикалов так и не последовало движения навстречу. На тот момент всех особенно волновал вопрос об освобождении лидеров партии, так как только решение этой проблемы могло оправдать смену партийного курса. Вопреки ожиданиям 4 апреля следствие по делу Радича было окончено и передано для формулировки обвинения генеральному прокурору [7, л. 36—37].

После этого Главный комитет ХКП 26 апреля 1925 г. все же принял решение утвердить мартовские заявления П. Радича и категорически заявил, что ни Хорватское народное представительство, ни ХКП не поддерживали и не поддерживают никакой связи с Крестинтерном. С. Радичу комитет выразил доверие, но вместе с тем взял обратно его «принципиальное согласие» примкнуть к Крестинтерну [34, л. 63].

Только в начале июня 1925 г., по сути после полной капитуляции хорватской партии, начались официальные переговоры между радикалами и радичевцами [7, л. 58; 21, s. 197]. У радикалов было три основных условия для сотрудничества с хорватами: ХКП полностью признает национальное единство сербов, хорватов и словенцев, Видовданскую конституцию, отказывается от республиканской программы. Как видим, эти условия хорваты вынуждены были выполнить еще до начала переговоров. Радикалы, на тот момент находившиеся в коалиции с НДП, предлагали также оставить независимых демократов и в новом коалиционном правительстве. Но Радич не согласился на такое сотрудничество. НРП разделилась на два фронта, возглавляемых, с одной стороны, министром иностранных дел Нинчичем, который выступал за коалицию с радичевцами, а с другой — своим лидером Н. Пашичем, дорожившим существующей коалицией с Прибичевичем. Кроме того, Пашич даже препятствовал верификации мандатов ХКП до решения суда по делу С. Радича [35, л. 90]. За договор радикалов и радичевцев выступал и Александр Карагеоргиевич, желавший при помощи этой коалиции (неудобной как Пашичу, так и Радичу), ослабить самых сильных игроков на политической арене королевства.

4 июня к Пашичу обратился сам Радич с требованием прекратить свое судебное дело и освободить задержанных в административном порядке депутатов своей партии. За это, а также за предоставление ХКП свободы действий в управлении Хорватией Радич обещал радикалам поддержку в парламенте и соглашался на создание правительственной коалиции. 22 июня мандатная комиссия скупщины заключила, что между ХКП и Крестинтерном не существует никаких отношений, в связи с чем мандаты хорватских депутатов (кроме 6 арестованных руководителей партии) наконец были утверждены [36, л. 89, 378].

Тем временем и во внутрипартийной борьбе в НРП при поддержке короля победила фракция Нинчича. Союз с ХКП был признан более целесообразным, нежели союз с не столь популярным в пречанских областях Прибичевичем [37, л. 55]. Следующий этап переговоров между ХКП и НРП начался 29 июня, а завершился 14 июля подписанием акта о межпартийном сотрудничестве. Стороны обязались не подвергать пересмотру основы Видовданской конституции. В тот же день на заседании скупщины ХКП впервые открыто выступила вместе с радикалами, проголосовав против своих прежних соратников. Члены ХО в ответ на это демонстративно покинули зал заседаний [38, л. 10, 97, 194, 231]. Во время словесной перепал-

ки Трумбич даже обвинил руководство ХКП в предательстве [39, s. 605]. Не менее жесткими были высказывания других лидеров югославской оппозиции в адрес Радича.

В созданном 18 июля 1925 г. правительстве хорваты получили 4 места (министерства аграрной реформы, лесного хозяйства и природных ресурсов, почты и телеграфа, торговли и промышленности) [40, л. 120]. В тот же день король Александр подписал указ об освобождении руководителей ХКП из-под ареста. Выйдя на свободу, С. Радич заявил, что его республиканизм был вызван тактическими соображениями, новый же курс он внушает партии по «глубокому убеждению». 20 июля С. Радич был на приеме у монарха, где благодарил за прекращение судебного процесса и даже преподнес монарху посвященные ему два новых сборника своих стихов. В прессе он заявил, что встретил в лице короля «национально мыслящего человека, истинного друга сербо-хорватского примирения и действительного хорватского короля» [38, л. 287—288, 336].

Интересно, что и в отношении Пашича позиция Радича претерпела кардинальные изменения. Как мы помним, сразу после выборов лидер тогда еще ХРКП исключал возможность соглашения с Николой Пашичем. Справедливости ради отметим, что неприязнь эта была взаимной. И если настроения лидера радикалов совершенно не изменились, то Радич готов был найти в его лице нового товарища. Несмотря на то что Пашич сразу после заключения соглашения спешно уехал из Белграда, чтобы даже не видеть хорватского политика, Радич в день выхода из тюрьмы отправил патриарху сербской политики витиеватое послание, воспевавшее достижения Пашича на ниве югославизма [41].

Несмотря на создание коалиции НРП—ХКП, хорватским депутатам так и не были возвращены их депутатские мандаты, поэтому руководство партии не участвовало в работе парламента 1925—1927 гг. [19, s. 72]. В правительстве все ключевые портфели остались в руках радикалов. Сам Степан Радич вошел в состав кабинета в качестве министра просвещения 17 ноября 1925 г. Интересно, что изменив формально всю свою политику в угоду коалиции с радикалами, ХКП по существу так и не смогла отказаться от прежних принципов. Критика действий правительства (в которое входили представители ХКП) в июле 1925 — январе 1927 г. со стороны Радича порой была еще более жесткой, нежели в «оппозиционные» периоды истории партии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Кухаренко В. Н.* Оперативно-дипломатическая подготовка и политическое содержание визита Степана Радича в Советский Союз (февраль — август 1924 г.) // Российские и славянские исследования. 2010. Вып. 5. С. 161—176.

2. *Кухаренко В. Н.* Политические последствия визита Степана Радича в Советский Союз: Хорватская республиканская крестьянская партия и два югославскх кабинета Оппозиционного блока (август — ноябрь 1924 г.) // Российские и славянские исследования. 2011. Вып. 6. С. 188—195.

3. Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х годов: в 2 ч. / РАН, Институт славяноведения, Федеральная архивная служба России, РГАСПИ; под ред. Р. П. Гришиной (отв. ред.). М. : Эдиториал УРСС : РОССПЭН, 2000—2003. Ч. 2: Июнь 1924 г. — декабрь 1926 г. М. : РОССПЭН, 2003. 688 с.

4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 535 (Крестьянский интернационал (Крестинтерн) — Международный крестьянский совет). Оп. 1. Д. 251 — Информационные сводки МКС.

5. *Ревякина Л.* Коминтернът и селските партии на Балканите: 1923—1931. София : Академично издателство «Проф. М. Дринов», 2003. 496 с.

6. РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 99 — Переписка Крестинтерна о крестьянском движении.

7. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 04 (Секретариат Г. В. Чичерина). Оп. 48. П. 296. Д. 54321 — Материалы по Югославии, 1925 г.

8. Архив Југославије (АЈ). Збирка 143 (Никола Пашић). Фасц. 1 — Унутрашња политика Краљевине Србије и Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. (Доклад Божидара Максимовича 23 декабря 1924 г.).

9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-391 (Российское телеграфное агентство (РОСТА). Оп. 2. Д. 75 — Бюллетени иностранной информации, январь 1925 г.

10. Хрестоматия по истории южных и западных славян: в 3 т. / отв. ред. Д. Б. Мельцер, Г. И. Чернявский. Минск. : Университетское, 1987—1991. Т. 3: Новейшая история. 1991. 412 с.

11. *Kulundžić Z.* Atentat na Stjepana Radića. Zagreb : Stvarnost, 1967. 615 str.

12. РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 67 — Переписка Крестинтерна.

13. *Vinaver V.* Jugoslavija i Mađarska 1918—1933. Beograd : Institut za savremenu istoriju, 1971. 574 str.

14. *Бошкович Б.* Крестьянское движение и национальный вопрос в Югославии. М. : Аграрные проблемы, 1929. 112 с.

15. РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 73 — Переписка Крестинтерна.

16. РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 250 — Информационные сводки МКС.

17. Stjepan Radić pod Obznanom 1925. godine. Prilozi / prired. H. Morović // Mogućnosti (Split). 1971. Br. 9. Str. 1109—1146.

18. *Marković L.* Jugoslovenska država i hrvatsko pitanje. (1914—1929). Beograd : Geca Kon A. D., 1935. 372 str.

19. *Maček V.* Memoari / prired. B. Urbić. Zagreb : Hrvatska seljačka stranka, 1992. 206 str.

20. *Бошкович Б.* Зеленый Интернационал и его кулацкое лицо. М. : Международный аграрный институт, 1933. 78 с.

21. *Matković H.* Povijest Hrvatske seljačke stranke. Zagreb : Naklada Pavičić, 1999. 536 s.

22. *Эйде И.* Очаги национальной борьбы в Европе. М. ; Л. : ОГИЗ : Молодая гвардия, 1931. 120 с.

23. АЈ. Фонд 74 (Краљев двор). Фасц. 11. Бр. 22 — Политичка активност странака и оптужбе због страначке припадности и делатности.

24. ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 2. Д. 77 — Бюллетени иностранной информации, февраль 1925 г.

25. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 70. Д. 34 — Перепечатки статей из югославской печати о политическом положении в Югославии, по национальному вопросу.

26. Историја српске државности: у 3 књ. / уред.: Ч. Попов. Нови Сад : Српска академија наука и уметности, 2000—2001. Књ. 3: Србија у Југославији / Љ. Димић. 2001. 472 стр.

27. РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 254 — Информационные сводки МКС.

28. ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 2. Д. 78 — Бюллетени иностранной информации, март 1925 г.

29. *Biondich M.* Stjepan Radić, the Croat Peasant Party, and the Politics of Mass Mobilization, 1904—1928. Toronto : University of Toronto Press Incorporated, 2000. 344 p.

30. Izaslanik kralja Aleksandra kod Stjepana Radića u zatvoru 1925. godine / prired. B. Krizman // Mogućnosti (Split). 1971. Br. 9. Str. 1087—1109.

31. Jugoslovenski federalizam: ideje i stvarnost: 1914.—1986.: tematska zbirka dokumenata: u 2 knj. / prired. B. Petranović, M. Zečević. Beograd : Prosveta, 1987. Knj. 1: 1914—1943. 1987. 826 str.

32. *Čulinović F.* Jugoslavija između dva rata: u 2 knj. Zagreb : Historijski institut JAZU u Zagrebu, 1961. Knj. 1. 556 str.

33. АЈ. Збирка 143. Фасц. 1. (Письмо Пашичу из Праги от 29 апреля 1925 г.).

34. ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 2. Д. 80 — Бюллетени иностранной информации, май 1925 г.

35. ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 2. Д. 91 — Бюллетени входящей почтовой информации РОСТА, июнь 1925 г.

36. ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 2. Д. 81 — Бюллетени иностранной информации, июнь 1925 г.

37. Российский государственный военный архив. Ф. 579/к (Югославское издательство «Нова Европа». г. Загреб). Оп. 1. Д. 68 — Nova Evropa. Књ. XII. Од 1. јула до 31. дец., 1925.

38. ГАРФ. Ф. Р-391. Оп. 2. Д. 82 — Бюллетени иностранной информации, июль 1925 г.

39. Korespondencija Stjepana Radića: u 2 knj. / prired. B. Krizman. Zagreb : Sveučilište u Zagrebu : Institut za hrvatsku povijest, 1972—1973. Knj. 2: 1919—1928. 1973. 836 str.

40. РГАСПИ. Ф. 535. Оп. 1. Д. 252 — Информационные сводки МКС.

41. АЈ. Збирка 143. Фасц. 1. (Телеграмма Радича Пашичу от 18.07.1925 г.).

Статья поступила в редакцию 13 октября 2012 г.